

В марте 1877 года Некрасов выпустил книгу под заглавием «Последние песни», которая является как бы его поэтическим завещанием.

«Последние песни» — книга, представляющая огромный интерес и по своему содержанию и по своей композиции, по строго обдуманному и необыкновенно удачному размещению материала. Прямо-таки поразительно, что подобную книжку удалось подготовить к печати и выпустить писателю, умиравшему в тяжких мучениях; мало того, писателю, вовлеченному в процессе подготовки своей книги в небывало жестокую борьбу с цензурой, особенно теснившей его накануне смерти.

Десятки стихотворений, в том числе такие замечательные, как «Элегия», «Путешественник», «Смолкли честные, доблестно павшие...», «Как празднуют трусу», «Что нового?», «Праздному», «Отрывок» («Я сбросила мертвящие оковы...»), «Молодые лошади», «Вестминстерское аббатство» и другие, Некрасов просто не рискнул представить в цензуру. В результате из более чем полсотни стихотворений, написанных им после выхода в свет шестой части последнего прижизненного издания его стихотворений, он внес в «Последние песни» только 22 стихотворения. И всё же, несмотря на свою неполноту, рассматриваемый сборник поражает своим идеологическим и высоким художественным уровнем.

Наибольшее впечатление из всего, рисуемого в «Последних песнях» народ и его горькое житье-бытье, производит знаменитая бурлацкая песня «В гору», в тексте «Современников», в которой мотив эксплуатации труда капиталом достигает такой же выразительности, как и в «Железной дороге».

Среди лирических стихотворений сборника первое место занимает стихотворение «Сеятели», не случайно помещенное в самом начале сборника. Это стихотворение рассматривается обычно как вдохновенное приветствие работникам на ниве народного просвещения. Но дело не только в этом. Гораздо более важным и значительным является другой, главный смысл этого стихотворения — приветствие, обращенное к борцам за освобождение народа.

И это поняли не только друзья, но и враги поэта.

Образ борца за счастье народа содержится также в знаменитом стихотворении «Пророк». И над ним поработала царская цензура. Ею было выброшено заключительное четверостишие. Затем, подчиняясь ее требованиям, Некрасов должен был назвать это стихотворение не именем того деятеля, которого он имел в виду, Чернышевского, а более нейтрально — «Пророк», с подзаголовком «Из Барбье». Оно продолжает и завершает те поиски положительного героя, которые Некрасов начал еще в 40-х годах. Положительный герой, по глубочайшему убеждению Некрасова, прежде всего борец за народное счастье. Под таким именно углом зрения Некрасов рассматривал в стихотворениях 50-х и 60-х годов Белинского (поэма «Белинский» и «Медвежья охота») и Добролюбова («Памяти Добролюбова»).

Изъятие «Пира — на весь мир» из «Отечественных записок», а затем, возможно, и из текста «Последних песен» так болезненно переживалось Некрасовым главным образом потому, что в этой части его грандиозной эпопеи он вплотную подошел к созданию образа положительного героя, впитавшего в себя наряду с некоторыми индивидуальными чертами, заставляющими вспоминать и о Добролюбове и о Чернышевском, ряд черт, типичных для русского революционера-демократа. Это, разумеется, образ Григория Добросклонова.

Несмотря на тяжкие увечья, причиненные цензурой «Последним песням», в этом сборнике с достаточной определенностью, хотя, быть может, и без достаточной полноты,

нашли себе поэтическое выражение думы Некрасова о народе, о его бедственном положении, наконец, о том герое, «народном заступнике», которому суждено «вывести народ из тьмы», т. е. проложить путь к народному счастью.

Не сомневаясь в своей скорой и неизбежной кончине, поэт знает, что ему не дожить до лучших времен. Пусть так, но его друзья, его верные соратники доживут. И особенно многозначительным является следующее обращение к ним поэта:

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

(«Друзьям»)

Говоря об эстетических установках «Последних песен», следует упомянуть о стихотворении «Поэту» (1874), в котором об обличительной миссии поэта говорится даже с большей резкостью, чем в ранних, хорошо нам известных стихотворениях.

Именно поэтому Некрасов внес во второй отдел «Последних песен» поэму «Современники». Включение ее в «Последние песни» имело своей целью подчеркнуть, что и «у края гроба» Некрасов не перестал быть, подобно Салтыкову-Щедрину, «великим сатириком русской земли».

«Последние песни» воспринимаются читателем в целом как книга, исполненная самого глубокого, самого проникновенного лиризма, как книга не просто волнующая, а прямо-таки потрясающая сердце.

Не так давно нам посчастливилось разыскать запись замечательных слов Н. Г. Чернышевского, дающих как общую оценку поэзии Некрасова, так и оценку «Последних песен». «Вот вы упомянули..., — сказал Чернышевский в беседе с одним знакомым, — хваленого <Надсона>, с которым все, особенно дамы, почему-то носятся. Красиво, тепло — и только. Вы говорите: „гражданская скорбь“... Какая там скорбь гражданская! Обычные плещеевские мотивы с собственными вариациями. Нытье, не спорю, искреннее, но оно вас не поднимает. Хныканьем не заставить плакать других. Если хочешь, чтобы тебя слушали, надо рыдать и смеяться, как Байрон, Гейне, Гоголь, Некрасов. Кстати, мнение Гоголя о будущности русской поэзии: „Скорбью ангела загорится наша поэзия“. Пророчество сбылось на Некрасове.

На-днях я перечитал его от доски до доски... Неотразим! Взять хотя бы „*Последние песни*“. Он ведь только о себе, о своих страданиях поет, но какая сила, какой огонь! Ему больно, вместе с ним и нам тоже». ⁵⁴

Основная особенность лиризма Некрасова, делающая его «неотразимым», как выразился Чернышевский, сказавшаяся, само собой разумеется, и в «Последних песнях», — это отсутствие сколько-нибудь резко обозначенной грани между личным и гражданским.

Даже говоря о любимой женщине, Некрасов или изображает ее как верную, самоотверженную помощницу в его предсмертном труде, труде поэта-гражданина («Зине» — «Пододвинь перо, бумагу книги!..»), или высказывает ей свои задушевные мысли о том, что дает человеку право на бессмертие («Зине» — «Ты еще на жизнь имеешь право...»):

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

У Некрасова, как известно, не было более интимно-личных и вместе с тем и более святых воспоминаний, как воспоминания о матери, которой он считал себя бесконечно многим

обязанным. Тем не менее и в «Рыцаре на час» и, особенно, в поэме «Мать» Некрасов, не оставляя интимно-лирического тона, умеет придать вопросу о матери широкую общественную постановку.

Вспомним эти незабываемые стихи:

Я много лет среди трудов и лени
С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени
Для памяти священной... Час настал!..
.
Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!..

В последнем заключительном стихотворении сборника «Баюшки-баю» образ матери поэта сливается с другим, более великим образом — образом матери-родины.

Вера Некрасова в освобождение и счастье своей родины осуществилась, и нет надобности доказывать, что полные горячей любви к родине стихи поэта-демократа звучат по всей свободной, гордой и счастливой советской земле.

«Последние песни» в полном смысле этого слова были «лебединой песнью» Некрасова.⁵⁵ Некрасов не прекращал своей поэтической работы и после выхода в свет «Последних песен». Им было написано несколько небольших лирических стихотворений, каковы, например: «Ты не забыта», «Осень», «Сон» («Мне снилось: на утесе стоя...»), «Отрывок» («Я сбросила мертвящие оковы...»), «О, Муза! я у двери гроба!..». Стихотворение «О, Муза!..», по свидетельству А. А. Буткевич, было последним стихотворением Некрасова. Он написал его в том самом месяце (декабрь), в конце которого ему суждено было скончаться...

Длительное умирание Некрасова, сопровождаемое невыразимыми страданиями, не в состоянии было, как только что было отмечено, заставить иссякнуть его поэтическое вдохновение. Умирая, он не переставал творить, причем некоторые из созданных им в период болезни произведений (поэмы «Пир — на весь мир», «Мать», стихотворение «Баюшки-баю») являются выдающимися и по своему общественному значению и по своей художественной ценности. Образ поэта, который в течение целых двух лет, стоя, в самом буквальном смысле этого слова, «у двери гроба», не выпускал из рук своего пера и продолжал пропаганду самых передовых идей его эпохи, приобретает поистине героические черты.

Когда желают напомнить о предсмертном привете Некрасову от Чернышевского, то обычно цитируют письмо Чернышевского к Пыпину от 14 августа 1877 года и почему-то обходят молчанием его письмо к тому же адресату от 25 февраля 1878 года. А между тем в этом именно письме содержится прямое указание, что его высокая оценка Некрасова в предыдущем письме («его слава будет бессмертна», «вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов») не является личной оценкой. «Моя любовь к нему, — пишет во втором письме Чернышевский, — не имеет никакой доли в моем мнении о его историческом значении... Это дело науки, а не личных вкусов ученого. — Повтори ему, если он жив, всё, что я говорил, — от лица историка, или эстетика, Чернышевского... Поцелуй от меня, как от его знакомого».⁵⁶

Эти слова позволяют утверждать, что великий вождь русской революционной демократии видел в Некрасове «гениальнейшего и благороднейшего из всех русских поэтов». Выше этой оценки, по крайней мере в те времена, в которые она была произнесена, нет и быть не может.

Примечания

⁵⁴ «Литературное наследство», кн. 49—50, стр. 602.

⁵⁵ Правда, VII выпуск «Русской библиотеки» в издании М. М. Стасюлевича, включивший некоторое количество избранных стихотворений Некрасова, вышел месяцем позже «Последних песен». Но эта книжечка не была в такой мере детищем Некрасова, как «Последние песни».

⁵⁶ Н. Г. *Чернышевский*, Полное собрание сочинений, т. XV, 1950, стр. 150.